

Пролог

Март 1955 года

— Напомни еще разок, зачем мы здесь? — спросила у Грейс Пегги, приставив ладонь козырьком над солнцезащитными очками, за которыми скрывались светлые глаза.

Хотя была только весна, солнце на Ямайке уже палило вовсю, скорее по-летнему. На холмы Голливуда такая испепеляющая жара обрушивалась лишь в июле.

— Сестричка, родная, мы в раю. Мне кажется, бессмысленно спрашивать зачем. Просто наслаждайся. — Рассмеявшись, Грейс сняла трубку кремово-белого телефона, чтобы заказать кувшин ананасового сока.

Она совсем было собралась попросить еще и дай-кири из местного рома, но немедленно вспомнила, что Пегги недавно говорила о желании слегка сбавить обороты, да и самой Грейс следовало держать в голове скорый приезд Хауэлла Конанта с его фотоаппаратами, а еще — церемонию вручения «Оскара» в этом месяце. Конечно, ей премия не достанется, ведь всем совершенно ясно: престижную статуэтку увезет домой Джуди Гарленд за роль в фильме «Звезда родилась».

Но даже номинация — настоящее признание, которое Дор Шэри, глава «Метро-Голдвин-Майер»¹, не сможет долго игнорировать, пусть даже «Деревенскую девушку» создали не на его студии и съемки в этом фильме не входят в ее драгоценный контракт с «Эм Джи Эм». Если Шэри хочет, чтобы Грейс была в его команде, ему придется пойти на некоторые жертвы. Даже он должен понимать, что она растеряет всю свою звездность, если засовывать ее во всякие дурацкие фильмы вроде «Зеленого огня» просто потому, что их снимает его компания. Ну а Олегу Кассини, который заверяет, что хочет быть с ней всегда, до самой смерти, придется ради этого обуздать свою невыносимую ревность. Она не собирается покорно принимать подобные вещи, слишком уж упорно в последнее время пришлось ей трудиться. Это ее жизнь, ее карьера. Необходимо доказать Шэри и Олегу, что ее, Грейс Келли, нужно воспринимать всерьез. После семи лет, проведенных под прицелом объективов кинокамер и фотоаппаратов, она кое-что знает о той силе, которой они обладают, и Хауэлл Конант — прекрасное орудие, чтобы помочь ей управляться с этой силой.

Пегги ушла в их пляжный домик, оставив Грейс в одиночестве на каменном патио, с которого открывался вид на бесконечный пляж — целые мили белого песка, слившегося в объятии с дугой нежно плескавшейся синей воды. Ощутив босыми пятками песчинки, она пошевелила пальцами ног с ненакрашенными ногтями.

¹ Американская компания, специализирующаяся на производстве и прокате кино- и видеопродукции. С 1924 по 1942 год — безоговорочный лидер голливудской киноиндустрии (MGM). — *Примеч. ред.*

Подбоченившись, Грейс прищурилась от белого полуденного света и сделала глубокий вдох, чувствуя, как плечи сами по себе поднялись, когда легкие наполнились горячим соленым воздухом. Вот такая она, свобода!

В голове всплыло воспоминание о прогулке по набережной Оушен-Сити — песчинки между пальцами ног, шум Атлантического океана, доносящийся с пляжа, крики чаек над головой. Там, в этом длинном и узком городке штата Нью-Джерси, где, сколько Грейс себя помнила, ее семья проводила каждое лето, девушка когда-то тоже чувствовала себя свободной. Когда она гуляла, а не сидела внутри их прохладного оштукатуренного дома в испанском стиле с куклами или книгой, родители оставляли ее в покое, думая, что дочка катается на велосипеде или на серфе. Но без присмотра взрослых Грейс долгими часами играла с друзьями в русалок и пиратов, а когда подросла, приспособилась прятать книгу в сумке под полотенцем и долго крутить педали, мчась по Бэй-авеню. Оказавшись далеко от дома, там, где брат и сестры не могли за ней шпионить, она подолгу спокойно читала в тени зонта.

Но сейчас на этом пляже Грейс целиком и полностью располагала собой. Ей некого было дурачить и некого баловать, кроме себя, и она была полна решимости наслаждаться таким положением вещей вместе со старшей сестрой, которой совсем не мешала передышка. Хлопнув в ладоши, Грейс направилась к домику с криком:

— Пегги! Давай искупаемся, вода просто божественная!

Это была замечательная неделя. Волны океана — теплые, местное население — куда дружелюбнее всех

жителей Лос-Анджелеса или Нью-Йорка, с которыми ей доводилось встречаться. Везде, куда ни кинешь взгляд, — тропические цветы всевозможных оттенков оранжевого, розового и красного. Повсюду громоздились горы фруктов. На каждом рынке она съедала манго или апельсин на палочке, все идеально очищенное и разрезанное.

Даже Пегги, которая дома все глубже погружалась в уныние, повеселела. Грейс радовалась, видя, что сестра не заказывает пиво или ром в их любимом ресторанчике, том самом, где подавали изумительную курицу по-ямайски, которой они все никак не могли наесться. Это было нечто вроде погружения в местную действительность, следующий шаг после заведения с земляным полом и пластмассовыми столиками и креслами под навесом, сплетенным из банановых листьев. Но Хауэлл убедил девушек рискнуть:

— Мой друг-журналист сказал, что это лучший ресторан на острове.

Грейс очень гордилась собой, впервые сходяв туда, и на следующее утро написала Хичкоку письмо, где шутила, что Лиза Фермон, чопорная героиня «Окна во двор», могла бы благосклоннее отнестись к шатающемуся по всему миру фотографу Джеффрису, раз уж жительницы Филадельфии Грейс и Маргарет Келли, будучи на Ямайке, вполне способны есть цыпленка в остром соусе руками.

Хауэлл не уставал запечатлевать на пленку все — купание, праздную негу, застолья, смех — с неизменно рябящей где-то на заднем плане водой.

— Настоящая Грейс Келли, — приговаривал он, с недоверчивым одобрением качая головой, — у себя

дома и в своей собственной шкуре. Никто прежде не видел настолько искренней звезды, настолько честной.

Она не могла дожидаться, когда он проявит снимки, и очень хотела их увидеть.

Ближе к концу недели, на закате Грейс сидела с Хауэллом и Пегги во внутреннем дворике, наслаждаясь великолепными гамбургерами, которые по-прежнему оставались ее любимой едой, несмотря на все остальные блюда мира, пусть даже и вкуснейшие.

— Хочу поблагодарить тебя, — сказал Хауэлл. Они чокнулись: он — кружкой с ромом, она — стаканом воды. — Я думал, снимать тебя на протяжении всего отпуска рискованно. Раньше никто так не делал. Но теперь у меня возникло ощущение, что, когда люди увидят мои фотографии, это положит начало новой моде.

— Думаю, я убила двух зайцев одним выстрелом, — согласилась Грейс.

Сытая и довольная, она разленилась, чувствуя, как волосы прилипают сзади к шее от влажного ночного воздуха.

— И что же это за два зайца? — спросила Пегги, вроде бы внезапно припомнив вопрос, который задала еще в начале этой недели и который забылся за мирным течением жизни на острове: «Напомни еще разок, зачем мы здесь?»

— Во-первых, я хотела расслабиться и вырваться из Голливуда, — ответила Грейс, — ну и во-вторых, обеспечить Хауэлла обложкой для журнала «Коллиерз Уикли», раз уж он меня об этом попросил. Я просто не знала, когда еще смогу это устроить, и посмотрю, как здорово вышло, что ты тут с нами. Без тебя нам бы ни в жизнь не съесть ту курицу...

— И не найти потрясающий пляж на другой стороне острова, — согласилась Пегги.

— А если в процессе нам удастся кое-чему научить Шэри, так это только к лучшему, — многозначительно подняв бровь, добавил Хауэлл.

— Выходит, Хауэлл, теперь ты считаешь меня настолько коварной? — спросила Грейс, с невинным видом склонив голову набок — этот трюк она с большим успехом проделала перед множеством кинокамер. Инженю. Как же Грейс ненавидела это слово, практически ставшее ее вторым именем! Что ж, по крайней мере, она научилась извлекать выгоду из этих манер юной скромницы.

Хауэлл рассмеялся и опрокинул в себя остатки рома.

— Ох, Грейс, горе мужчине, за которого ты выйдешь! У него против тебя никаких шансов.

— Не переживай за ее будущего мужа, Хауэлл, — сонно проговорила Пегги. — Женщины семьи Келли всегда уступчивы, когда дело касается мужчин. Папочка об этом позаботился.

Грейс сдержалась, чтобы не поморщиться. Меньше всего на свете ей сейчас хотелось вспоминать о Джеке Келли. Уж на него-то нынешняя фотосессия впечатления не произведет. На него вообще ничто не производит впечатления.

Той ночью ей неважно спалось, а на следующий день во время съемки она была какой-то отсутствующей, руки и ноги как ватные. Словно силы, которые, казалось, переполняли ее всю эту неделю, вдруг вытекли из нее.

Стоило ей высунуть голову из воды, Хауэлл припал на одно колено в волнах и всем телом подался

влево, спрятав лицо за камерой с 35-миллиметровым объективом.

— Отлично выглядишь, Грейс! — воскликнул он. — К тому же ты умнее и талантливее, чем все считают. Подумай, какая физиономия станет у Шэри, когда он увидит, что ты завоевала «Оскар»!

И всего лишь на кратчайший миг, который потребовался фотоаппарату, чтобы щелкнуть затвором, губы Грейс изогнулись в легчайшей улыбке и она вдруг поверила, что невозможное возможно.

Глава 1

1969 год

Сорок... Никогда прежде не возникало у нее в день рождения искушения убежать и спрятаться. Впрочем, до этой даты оставалось еще несколько месяцев, но Ренье, дети и персонал дворца уже хотели знать, какие празднества желает по такому поводу устроить ее светлость.

— Никаких! — заявила она Ренье, когда черный «мерседес» вез их на очередной официальный ужин.

Ей казалось, что в последние дни они видели друг друга только в маленьких закрытых пространствах во время коротких промежутков между разнообразными мероприятиями.

— Ну что ты, Грейс, это на тебя непохоже, — удивился муж, накрывая ее ладонь своей.

Она вытащила руку и положила к себе на колени, обтянутые чесучой персикового цвета. Завтра с утра описание ее платья появится в постоянных колонках всех газет. Обозреватели сосредоточатся на том, как искусно сшит и мастерски вышит ее наряд, почти не упомянув о книгах, которые она читала сегодня спозаранок детям в больнице, или о долгих часах, проведенных ею за подготовкой предстоящего Гала-бала Красного Креста, когда приходилось практиковаться в утомительном

искусстве дипломатии, следя, чтобы ни одному жертвователю не наступили на любимую мозоль и все важные персоны получили свою порцию лести.

— Прости, Ренье, — произнесла Грейс, задействовав свои самые нежные интонации. — Кажется, я просто... не в себе.

Когда дело касалось мужа, она всегда старалась напустить тумана, и такая стратегия себя оправдывала. Его не интересовали ни глубина чувств жены, ни ее мысли. Долгое время Грейс терзало неприятное чувство, что он то и дело недопонимает ее и при этом вовсе не горит желанием понять. Однако недавно она осознала, насколько легче от этой его ограниченности делается ее жизнь в Монако. Раз муж ни о чем не спрашивает, то и объяснять, что к чему, совершенно незачем. Сэкономленные таким образом силы можно сберечь для ситуаций, в которых у них возникают разногласия.

— Не постарайся ли прийти в себя к двенадцатому ноября? — спросил он. — Ведь нашим подданным наверняка захочется в этот день воздать почести своей княгине. Боюсь, они не поймут, если никаких празднеств не состоится.

Его тон был довольно терпеливым, но Грейс знала, что это изменится, если она не пойдет на попятный в течение недели. А пока что Ренье лишь свел темные брови и поджал пухлые губы в обиженной улыбке, означавшей, что он, конечно же, понимает, почему ей не хочется делить со всем княжеством настолько интимный момент своей жизни, но им обоим известно, что наилучшим из всех возможных вариантов будет все-таки пойти на это.

И все же Грейс сильнейшим образом ощущала всю иронию ситуации с этим ее днем рождения! Ведь если Ренье поднимет вокруг него много шума, то ее сочтут

возвеличивающей саму себя зазнайкой, а ее нелегкий труд во имя княжества уйдет еще глубже в тень. Она предстанет эдакой Марией-Антуанеттой с сумкой от «Эрме» и в бриллиантовой тиаре. Но если ничего не устраивать, а просто отправиться с семьей поесть бургеров, одевшись в любимые джинсы с джемпером (ее старая подруга и любимый модельер Эдит Хэд называла это нарядом простушки), то подданные ее изысканного княжества останутся недовольны тем, что она не постаралась им угодить, — они ведь ожидают, чтобы их княгиня всегда выглядела как картинка из журнала мод.

Грейс одновременно удивляло и угнетало, что после почти тринадцати лет брака с монархом ей все еще приходится иметь дело с этой «уловкой-22». Не далее как на прошлой неделе она посещала больницу, отремонтированную и модернизированную ею с той же тщательностью и заботой, с которой большинство женщин обставляют собственные жилища. Благодаря ее хлопотам это медицинское учреждение из захудалой богадельни превратилось в клинику, оборудованную по последнему слову науки. Зная, что во время посещения онкологического отделения ее будут фотографировать, Грейс надела аккуратный летний костюм с юбкой и кеды из шамбре, которые повернутая на моде двенадцатилетняя Каролина иначе как уродливыми не называла. Княгиня попросила фотографов не снимать ее ноги, объяснив, что надела спортивную обувь, а не туфли на каблуках, чтобы навестить как можно больше пациентов и не угодить при этом в ортопедическое отделение.

Она думала, что шутка разрядит обстановку, но заметила, что некоторые медсестры нахмурились, а одна даже покачала головой, чтобы выказать Грейс неодобрение.

Эта сестра была очень пожилой, ее загорелое лицо избородили глубокие морщины — такой след за долгие годы оставили на нем многочисленные летние деньки, проведенные на пляже.

При виде этой обычной, зачастую противоречивой, реакции на свое появление Грейс подавила вздох. Благодарение перед ее материнством смешивалось с осуждением избранных ею методов воспитания. Благодарность за благотворительную деятельность — с неприятием ее гардероба. А восхищение красотой княгини, самое сильное чувство, которое та вызывала у подданных, вступало в конфликт с неприязнью к ее происхождению: она прибыла из-за океана, из страны, которую здесь не любили за великодержавные замашки и сговор с Францией, стремящейся держать Монако под башмаком.

Подобная смешанная реакция была, с точки зрения Грейс, лучше откровенной враждебности, которую Ренне ощущал на заре их брака и использовал как повод запретить в княжестве фильмы с ее участием. Однако она отчаянно надеялась, что однажды монегаски действительно примут ее как свою, как одну из них, независимо от ее деятельности в качестве княгини. Получить от них признание оказалось куда сложнее, чем от кинозрителей, которых она когда-то жаждала очаровать своим актерским талантом.

Но потом одна из самых молодых медсестер, которая говорила по-французски с сильным акцентом, хихикнула и показала на собственные разношенные белые туфли со словами:

— Тут вы не одиноки, ваша светлость.

Грейс ответила самой теплой улыбкой, на которую только оказалась способна:

— Спасибо за понимание.

Возможно, благодаря молодому поколению она все же сможет почувствовать себя здесь как дома.

— Делай, как считаешь нужным, Ренье, — с легким вздохом сказала Грейс, зная, что пойти на эту уступку все равно придется, а значит, нечего и тянуть. Она научилась и кое-чему еще: сдаваться всегда, когда это возможно, и чем быстрее, тем лучше. При такой тактике все идет гораздо более гладко, а неприятных споров становится куда меньше. — Уверена, Марта и Мередит, — упомянула она обеих своих секретарш, — устроят славный праздник.

— А чего-то особенного тебе хочется? — спросил Ренье, в знак одобрения заговорив с теплыми двусмысленными интонациями.

Она внутренне содрогнулась, надеясь, что после ужина он будет слишком измотан и неспособен ни на что, кроме сна.

— Мира во всем мире? Единения всех людей доброй воли? — отшутилась она, мастерски уклонившись от игривого намека, так же как много лет назад уклонялась от амурных поползновений Хичкока и всех остальных.

Тогда она даже не подозревала, какой замечательной подготовкой к жизни в браке станет Голливуд, и боялась, что все выйдет в точности наоборот.

Ренье криво усмехнулся, и его тонкие усики приподнялись с правой стороны.

— Я думал о чем-то таком, к чему сможет прикоснуться каждый. Как насчет того, чтобы открыть для публики садик с твоими любимыми цветами? Или показать ей статуи на набережной?

— Пожалуйста, Ренье, не нужно ничего делать для меня или от моего имени. — Грейс старалась, чтобы

в голосе звучали одновременно встревоженные и смущенные нотки, и надеялась, что разговор не выйдет из-под контроля. — Если это так необходимо, сделай какое-нибудь пожертвование в мою честь. Идея с садиком, возможно, и неплоха. Или новое крыло библиотеки, или цикл общедоступных бесплатных спектаклей...

— Чтобы ты могла в них блеснуть? — с легкой иронией в голосе спросил он.

Грейс засмеялась, прилагая усилия, чтобы смех был веселым и искристым:

— Ну уж нет! Кому захочется видеть такую старушку на сцене? — И пусть шпилька в собственный адрес вызвала у нее мимолетный укол сожаления, это ощущение быстро прошло, когда стало ясно, что разговор удалось закончить.

Ренье кивнул и отвернулся к окну, глядя в залитый неоновыми огнями вечер.

Как же Грейс ненавидела эти огни, каждый из которых был как ожог на броской прибрежной красе ее новой родины! Слава богу, Ренье в конце концов одумался и притормозил строительство очередного уродливого объекта.

— Не забудь про очки, — напомнил он, когда машина остановилась в конечной точке маршрута, где их поджидали люди и телекамеры.

Грейс частенько вообще забывала, что на ней очки, ведь удовольствие четко видеть больше чем на пять футов перед собой казалось совершенно естественным, когда очки сидели у нее на носу. Но Ренье всегда напоминал, что ей следует избавиться от них, прежде чем появиться на людях.

— Спасибо, дорогой, — ответила Грейс на автомате.

Она сняла очки в черепаховой оправе и убрала в лежавший между супругами неброский кожаный футляр. Мир немедленно расплылся, а когда перед ней раскрылась дверь, Грейс обрадовалась привычному взрыву фотовспышек, который послужил оправданием тому, что она прищурилась, ожидая, когда Ренье подаст ей руку и уведет в темноту.

* * *

Мало что действовало на нее так успокаивающе, как вид собственного опрятного письменного стола. Со всеми этими канцелярскими принадлежностями — ручками, чернилами, промокашками, скрепками и другими инструментами для ведения корреспонденции, аккуратно разложенными по коробочкам в выдвижных ящиках, — столешница, глянцевый массив лакированной древесины, так и манила к себе. Все тут было так ясно и просто, что Грейс испустила вздох облегчения.

Поскольку никаких дел на этот день у нее не было, княгиня блаженствовала, надев поношенные мягкие джинсы с хлопчатобумажным джемпером, скинув обувь и забравшись в свое уютное кресло. Она взяла стопку бумаги и любимую перьевую авторучку, которую дядя Джордж подарил ей в 1947 году, когда она уезжала с Генри-авеню в Американскую академию драматических искусств. Как все качественные вещи, ручка писала не хуже, чем двадцать два года назад.

«Я хочу, чтобы ты писала мне обо всех своих приключениях, — сказал тогда дядя Джордж. — Даже о самых сомнительных», — добавил он конспиративным шепотом, отчего мать Грейс испепелила его раздраженным взглядом. Племянница же по-девичночь хихикнула,